

18+

РОМАН ГРЕБЕНЧИКОВ

ОЦІАГ

Роман Гребенчиков

Очаг

«Издательские решения»

Гребенчиков Р.

Очаг / Р. Гребенчиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985615-9

Для одних семья — очаг поддержки и заботы, но для кого-то она может стать настоящей тюрьмой, защищенной обществом камерой пыток. Жизнь Марка Штерна меняется за пару дней. Ресторан сожгли, жена требует развод, а брат решил уйти из жизни. Марк сбегает из города, чтобы уйти от проблем и разобраться в себе, но вместо этого втягивается в ещё большие неприятности.

ISBN 978-5-44-985615-9

© Гребенчиков Р.
© Издательские решения

Содержание

День 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
День 2	17
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Очаг

Роман Гребенчиков

© Роман Гребенчиков, 2020

ISBN 978-5-4498-5615-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День 1

Глава 1

- Вы уверены, что не хотите поместить его в колумбарий? Или купить урну для него?
- Нет, ничего не нужно. – Я протянул руку к администратору. – Отдайте его уже.
- Распишитесь сперва.

Через окошко администрации мне передали документы. Читать их было некогда, поэтому на всех помеченных страницах я оставил свою роспись. Когда покончили с формальностями, мне вынесли чёрный пластиковый контейнер.

- Там... – Администратор указал в затемнённую нишу. – Можете побыть с ним наедине.

Я отрицательно покачал головой и пошёл к выходу – хотелось поскорее выбраться из «склепа». Снаружи оказалось не легче: солнце пекло, и от контейнера в руках веяло свежей пластмассой. Вот что с нами случается после смерти: нас запирают в обычном контейнере, словно какой-то полуфабрикат.

Машина была припаркована недалеко от Ястребского крематория. Сев за руль, я забросил сосуд в бардачок и захлопнул дверцу, отчего мой спящий спутник подскочил.

– Зачем так хлопать? – спросил Кирк и показательно зазевал, но его взгляд остановился на открытом бардачке. – Так скромно? Я думал, урна должна быть вся такая расписная, красивая, а тут... – Он указал рукой на контейнер.

– Это только капсула – урну покупать не стал. – Я пристегнул ремень безопасности. – И так сойдёт.

- Ой, какой бука – зажал урну брату!

- И так на похороны потратился. Тем более зачем она, если я его развею?

Я повернул ключ зажигания и вдавил ногой в педаль газа, чтобы рёв мотора заглушил Кирка, – я не мог его слушать. Вроде бы он выглядел и вёл себя как обычно, но в этот день сильнее всего я мечтал выпнуть его под зад из своей машины.

День явно был не в мою пользу. Ко всему прочему меня душила жара, а кондиционер не справлялся. Внутри консервной банки хотелось только застрелиться, но обязательства заставляли продолжать жить.

Единственное, что радовало, – так это пустые дороги. Ведь все жители города собрались у ресторана «Очаг» – почтить память погибших. День траура... Глупое название. Для меня это просто день, когда я забирал своего брата из крематория. Возможно, я очень жесток к пострадавшим, но тогда хотелось лишь одного – исчезнуть, чтобы никто не видел меня и мои несчастья. Хотелось бы того же для дома, но там меня ждала семья – там бы не получилось молчать.

– Я подожду тебя здесь, – сказал Кирк, когда я загонял машину в гараж. – Не хочу создавать тебе проблем.

- Проблем создавать не хочешь? Тогда какого чёрта ты здесь?! – Я хлопнул дверью.

Только когда я на несколько шагов отошёл от гаража, вспомнил о капсуле, но возвращаться к ней из-за Кирка не собирался. Много чести! Однако этого хватило, чтобы я остановился. С одной стороны ненавистный мне Кирк, с другой – семья, которую я не хотел видеть в тот день, но мне надо было домой. Ещё пара шагов к входной двери – и моя нога зацепилась за выпирающую из тротуара плиту. Фиаско! Я распластался на дорожке, весь костюм в пыли – так я больше напоминал брата: он, в отличие от меня, вечно был в грязи. От этой мысли меня только сильнее передёрнуло. Я вскочил с земли и отряхнулся. Чёртов тротуар! Я собирался его переделать ещё прошлогодней весной, но времени и сил так и не нашёл.

В дом я решил войти всё-таки тихо, чтобы не привлекать к себе внимания.

– Почему ты защищаешь его? – раздался голос моей жены.

– Вообще-то, он мне за это платит, – ответил мой адвокат. Его присутствие меня удивило – ведь совсем недавно он ещё был в Москве.

– Мишенька, если бы не я, ты бы на него не работал.

Они спорили в гостиной, не замечая меня.

– Маша, все давно знают, что в городе орудует поджигатель. Марк ни в чём не виноват – какие бы меры защиты он ни выбрал, этот говнюк бы всё равно нашёл способ поджечь свою цель. Сколько уже было попыток! Сама подумай. Твой муж – тоже жертва в этой истории. Тем более не забывай, что из-за всего этого Кирилл покончил с собой. Так что ему сейчас вдвойне нелегко.

– Да ему всегда было на всё насрать: на ресторан, на семью, на брата! Он его за человека-то не считал!

Я несколько раз стукнул в косяк двери:

– Так я здесь.

Они сразу же замолчали, а Маша в придачу отвернулась.

– Чего раньше не приехал? – спросил я у Миши, когда пожимал ему руку.

– Занят был – кое-какие семейные проблемы решал.

– Семейные? У тебя же нет семьи. – Здесь я увидел, что от неловкости он отворачивает от меня взгляд. – Чёрт побери, ты о своей секте? До сих пор не привыкну, что ты их семьёй называешь!

– Мы не секта, Марк, – ответил Миша. – Сколько раз я должен тебе это повторять?

– А мы разве семья? – спросила Маша, посмотрев на меня.

Повисла тишина. Я ничего не хотел отвечать, теперь сам старался уйти от ответа.

– Что по поводу страховки? – спросил я у Миши, продолжая игнорировать жену.

– Не должно быть проблем. Это не первый прецедент. Сейчас всем пострадавшим выплачивают. Такое ощущение, что целью поджигателя на самом деле являются страховые компании, – они на нём разоряются.

– А когда суд?

– Через неделю.

Я ходил по гостиной и аккуратно гладил всю мебель. У меня складывалось впечатление, будто я уже так давно не был дома, что даже забыл, как всё выглядит. От этих мыслей становилось вдвойне неловко – ведь я должен был снова уехать.

– Маша, я должен уехать на несколько дней.

– Что? Куда ты опять собрался? Опять решил нас бросить? – Жена наконец-то повернулась в мою сторону. Она постарела – видимо, как и я. Просто раньше этого не замечал, потому что совсем прекратил появляться.

– Мне нужно похоронить Кирилла. Дома. На родине.

– Сейчас?! – Маша перешла на крик. – Опять бежишь от проблем?! Оставляешь нас здесь одних, в этом аду, который сам же и сотворил?! Ты хоть раз можешь подумать не только о себе?!

Опять тишина. Я не знал, что ей сказать, но она, видимо, и не ожидала ответа от меня, поэтому развернулась и ушла в другую комнату.

– Так обязательно ехать? – спросил Миша. – Может, лучше после суда? Кириллу-то уже всё равно.

– Я... Мы обещали друг другу, что будем похоронены там.

– Извини за неуместный вопрос, но где «там»? Я даже не знаю, откуда вы.

– С Севера, с Карелии, а если ещё точнее – из Беломорска. Да, по мне не похоже, что я оттуда, но дед во время войны бежал туда и прятался там от фашистов. Он, в отличие от меня, был чистокровным евреем. Прямо гордился этим. До сих пор помню, как отца упрекал за связь с русской. Такой мрак! Ладно, прости меня, но я хочу с дочкой попрощаться. Просто пойми:

чем быстрее я покончу с этим, тем скорее смогу с чистой совестью заняться своей семьёй и судом.

Я хлопнул Мишу по плечу и направился вверх – в спальню к Насте, к моей маленькой Насте. Я ненавижу прощаться – это каждый раз тяжело, и постоянно боюсь, что задену хрупкие эмоции своей дочери, и они меня не отпустят. Собственно, тогда было так же.

Я тихонько приоткрыл дверь, чтобы проверить, не спит ли моя Маленькая, но она сидела на кровати, прижав колени к себе.

– Милая, что случилось?

– Почему вы ругаетесь? – спросила она.

– Мама не рада, что я опять уезжаю. – Я присел с ней рядом на кровати. – Но так надо.

– А почему дядя Кирилл больше не заходит?

– Он уехал в дальнюю и загадочную страну, а мне нужно будет поехать вслед за ним и помочь в его одиноком путешествии. Но когда я ему помогу, обещаю, что всё изменится, твоя жизнь станет только лучше. Это последний раз, когда я уезжаю.

– А когда это будет?

– Скоро, дорогая, скоро. – Я поцеловал её в лоб. – Не волнуйся только, всё будет хорошо.

Скоро всё изменится.

Я прижал её покрепче к себе. Рядом с ней всё менялось: проблемы куда-то улечивались, а вечно тяжёлая голова освобождалась. Каждый раз тяжело прощаться. Всегда присутствует впечатление, что я никогда не вернусь. Не знаю, каково Насте, но я никак не привыкну к этому. Постоянно разрываюсь на части.

Покинув дочь, я зашёл к себе в спальню за вещами. Кошелёк был пуст, только куча накопившихся скидочных карт. Среди них я выловил свою родную дебетовую карточку. Марк Штерн. Осталось найти паспорт на это же имя. Перебирая одежду в поисках документа, я всё чистое закидывал в сумку. Под руку попались обгоревшие и испачканные в крови брюки – печальное воспоминание со дня пожара. Засунув руку в карман, нашёл то, что искал. Забавно, в этих же штанах я оформлял брата в крематории, и никто не удивлялся этому – ведь никто не мог прийти в себя после трагедии. Город как будто пережил очередную войну.

В гостиную уже никого не было. Даже не уверен, что хотел ещё с кем-то прощаться. Маша бы снова наорала, а Миша... да пофиг на Мишу, мы с ним никогда толком не были близки, но именно он не позволил нырнуть до гаража незамеченным. Мой адвокат стоял снаружи и курил.

– Она злится? – спросил я.

– Бесится, но, думаю, скоро прекратит.

– Это хорошо. Ты вовремя приехал. Так что спасибо.

– Да это она мне позвонила – жаловалась на пожар, что тебя снова нет, а за окном шастают неизвестные люди. Ей, в общем, стало страшно – я бросил все свои дела и приехал.

Миша потушил сигарету о стену дома и запихнул бычок между кирпичей к остальным.

– Марк, не стоит сейчас ехать. Тебе нужно до суда из себя пушистика строить при любой... нет, при всех возможностях. Ты первый с жертвами – поэтому у населения и журналистов есть вопросы к тебе. Да и у следствия тоже.

– Какие вопросы? Я тоже жертва, как и они. Мой брат также погиб из-за пожара. – Я медленным шагом направился к гаражу.

– Твой брат покончил с собой. Это не одно и то же, и только больше наводит подозрений.

У двери я вспомнил о Кирке, поэтому только слегка приоткрыл дверь, чтобы проверить, не там ли он. Но в машине никого не было.

– Это не отменяет факта, что мне тоже надо его похоронить, а его место на Севере. Поверь мне. Мы быстро с этим разберёмся. Ты будешь вспоминать об «Очаге» как о забытом старом сне. Обещаю тебе. – Я схватил Мишу за его могучие широкие плечи, – Всё будет хорошо.

Он отрицательно покачал головой.

– Не знаю. Я слежу за СМИ, и там ничего хорошего. Никто толком не говорит о поджигателе, все обсуждают тебя с легко-вос-пла-ме-няющимся рестораном. Хрен, блин, выговоришь!

– Начнётся новый пожар, и с меня переключатся на следующего. Пока поджигатель на свободе, это не закончится.

– Пора бы уже его найти, но у следствия ни одной серьёзной...

– Слушай, извини, что перебиваю, но мне надо ехать – хочется до ночи успеть доехать до Беломорска и переночевать там. Завтра вернусь и поговорим за кружечкой пивка. О'кей?

– Я знаю, что ты не Кирилл, но не влипни во что-нибудь по дороге.

– Без проблем, дружище! Как и обещал: всё будет хорошо.

На прощание я хлопнул его по плечу и сел в машину. Миша не уходил из гаража, а наблюдал, как я выезжаю наружу. Оказавшись на улице, я увидел в окне дома наблюдавшую за нами Машу.

– Слушай, – снова со мной заговорил Миша. Тогда я пожалел, что оставил окна приоткрытыми. – Это же «Волга» Кирилла?

– Не совсем. Эта Ласточка принадлежала отцу, но мой брат очень сентиментален – не мог от неё избавиться.

– А твоя «бэшечка» где?

– Она... Она... в ремонте. – Говорить правду я не собирался.

В соседнее стекло прозвучало несколько ударов.

– Марк Штерн! – У окна автомобиля стоял невысокий мужчина с шофёрской кепкой на затылке. По его лицу можно было судить, что он настроен негативно. – Ты убил моего сына – Андрюшку!

Он прижал к стеклу фотографию конопатого рыжего мальчугана. В тот день со мной впервые заговорил один из пострадавших – ранее мне везло избегать общения. Поэтому для меня, как и для Миши, такой близкий контакт стал небольшим шоком.

– Ублюдок, его смерть на твоих руках, и ты за всё ответишь! Помни об этом! – Он бросил в меня снимок через щель в стекле. – Смотри и помни, что сделал, мразь! Вы все ответите за смерть моего сына! – Последние слова явно направлялись и в адрес моего адвоката.

Мужчина развернулся и ушёл. Мне было плевать на него и на фотографию, которую он дал, поэтому я кинул снимок на приборную панель.

– Говорю же, – заговорил Миша, – будь аккуратней.

Глава 2

– Что это был за мужик? – спросила Маша.

Она смотрела в окно. На столе около неё стояли пустая бутылка вина и неполный бокал с отпечатком губ по краям.

– Один из пострадавших в «Очаге», – ответил Миша. – Его сын был там.

– И чего он хотел? Поплакаться в плечо? Или убить Марка? Этому бы я обрадовалась.

– Просто хотел донести свою боль Марку. Его можно понять. Поджигателя так и не нашли, а крайний в итоге Марк.

– Да на здоровье! Его место давно за решёткой.

– Маша! – Миша поднял голос. – Нельзя так! Он твой муж.

– Да я его видеть больше не могу! Чёртов Карлсон, вечно в мечтах! Лучше б он не возвращался из... куда он там поехал...

– Ты сказала ему, что хочешь развода?

– Не успела – из-за всей этой тягомотины с Кириллом и «Очагом». – Маша допила вино и поставила бокал на столик, после чего завалилась на диван и обняла подушку. – Почему не он сгорел там? И почему он не мог уйти, как Кирилл? Чёртов трус! Должно было быть всё наоборот: он мёртв, а Кирилл жив.

– Не говори так. Если кто-то посторонний услышит, то не поймёт тебя. – Миша уселся рядом. – Да и неправильно так говорить – как-то не по-божески.

– А по-божески бросать свою семью? Он сильнее всего хотел ребёнка и в итоге просто скинул её на меня. – Маша встала с дивана. – Но знаешь, в чём Марк всегда был прав – так это в том, что ты задолбал со своей верой!

Она направилась на кухню с пустым бокалом, оставив Мишу с удручённым лицом. Обратно в гостиную вернулась с новой бутылкой вина.

– Не рановато так налегать?

– Я здесь домохозяйка из-за этого мудака! – Она демонстративно выпила из горла. – Так что имею полное право.

– Отвратительно! – Миша встал с дивана и стал ходить кругами, рассматривая предметы на полках и шкафах. – На тебя невозможно смотреть! Просто посмотри на себя – кем ты стала?

– Не знаю, кто я, но ты стал вредным и нудным стариком, после того как вступил в свою секту! Раньше ты был солидным мужчиной, а сейчас смотришь на тебя – и не верится, что я тебя любила!

Миша ничего не ответил. Он старался не смотреть в сторону Маши, поэтому разглядывал предметы на полках. Остановился только на фотографии с двумя молодыми кудрявыми близнецами, отмечающими день рождение за накрытым столом.

– Я даже не заметил, когда он подстригся, – сказал Миша.

– Не хотел иметь ничего общего с братом. Марк давно уже крышей поехал – страшно представить, что у него после пожара в голове. Боюсь, эта поездка на Север – только начало.

– Да вроде, когда говорили снаружи, был нормальным.

– Поверь, это обманчивое впечатление. Когда загоняли гроб в печь, он наблюдал за всем с каменным лицом. Даже в один момент показалось, что он улыбается. Миша, это жуть как страшно!

– Хорошо. Только тогда ответь: ты всё равно хочешь оставить Настю ему, если уж утверждаешь, что он такой ненормальный?

– Это его дочь, не моя! Пусть что хочет, то и делает с ней. А я устала с ней нянчиться, пока он пропадает. Миша, я жить хочу, а не сидеть взаперти! Не такой жизни я хотела.

– А какой? Вечно прыгать и плясать по клубам? Маша, пора повзрослеть! Не кричи ты на Настю при любом случае – быть может, вы бы нашли общий язык. Постарайся полюбить её. Тогда вы принесёте друг другу только счастье.

– Тебе совсем в твоей церкви мозги промыли! Послушай себя. Да она вся в отца – так же вечно в облаках витает. Ей говоришь, а она не слышит. Я постоянно в ней вижу его. И если я полюблю её, то снова полюблю его, а этого я не хочу – хватит с меня!

– Да ты даже не пытаешься...

В кармане Миши зазвучал рингтон телефона.

– Поговори с ней, Маш, спокойно и без требований. Подружись с ней. – Он поднял мобильник и ответил на звонок. – Максим?

Адвокат расхаживал по комнате из стороны в сторону, иногда отвечая короткими фразами своему собеседнику на другом конце провода.

– Да... А что она вообще там делала?.. Твою ж мать! Хорошо, я заберу её.

Он отключил телефон и убрал его обратно в карман.

– Маша, прости, но мне надо ехать.

– Езжай. – Маша лишь махнула пустой бутылкой.

– Даже не спросишь, куда и зачем?

– Знаешь, Миша, мой интерес к тебе пропал уже достаточно давно. Так что вали, как и Марк, куда хочешь. Мне плевать.

– Маша...

Она снова направилась на кухню, показав на прощанье средний палец.

– Ты знаешь, где выход.

Глава 3

Невыносимая жара... Просто адское пекло! Лето выдалось аномально тёплым. На небе отсутствовало малейшее проявление облачности, и под этим испепеляющим солнцем невозможно было существовать. Но мне было необходимо ехать на север – к маленькой надежде на прохладу.

Возможно, я действительно лукавил. На самом деле я бежал от тех неприятностей, что ожидали меня в Ястребске. Мне хотелось свалить как можно дальше от того безумия, которое устроил поджигатель. До трагедии в «Очаге» жители города закрывали на смутьяна глаза, но пожар в ресторане словно привёл всех в чувство – люди вышли на улицы, требуя крови. Судя по всему, моей. На выезде из Ястребска я встретил группу пикетирующих граждан с плакатами: «Кто виноват?», «Почему сейчас?» и «Штерна к ответу!». Места мне в городе больше не было.

Я уезжал вместе с Кирком, который увязался за мной в это путешествие против моей воли, но я ничего не мог с этим поделать. Он практически всегда был самой большой занозой в моей заднице и моей самой страшной тенью.

Сколько я его помню, Кирку всегда было всё нипочём. Даже в этот жаркий день он продолжал носить своё задрипанное пальто. Выцветшая и растянутая ткань, куча пятен непонятного происхождения, тошнотворный запах – этой убогой тряпке давно уже пора было на свалку, но Кирк продолжал её носить. «Вторая шкура» повидала почти всю его жизнь, и сбрасывать он её не торопится. Порой я даже жалел, что мы с Машей подарили ему это пальто, – даже в эту поездку Кирк не снимал его.

Вот и сейчас, в привычной щёгольской манере, он устроился на пассажирском сиденье, закинув ноги на приборную панель. Долго шарил по карманам, пока наконец не выудил пачку сигарет и зажигалку.

– Ты что, забыл? У меня в машине курить нельзя!

– Правда? – Клубы дыма ударили мне в лицо. – Всё, больше не буду!

Но ядовитый никотиновый запах уже заполнил весь салон.

Кирк спокойно докурил сигарету, зажал бычок между пальцев и щелчком отправил в окно.

Я знал, что это будет повторяться снова и снова. Сколько бы я ему ни говорил, он, как будто назло, мне всё равно продолжал это делать, словно непослушный кот или ребенок. Однако сердиться на него не хотелось – и без того проблем хватало.

– Скучно едем – я пощёлкаю? Ты не против? – сказал Кирк и указал на радиоприёмник.

Я кивнул в знак подтверждения, хоть он и потянулся к переключателю раньше, но лучше уж радио, чем тупое общение с ним. Порой он способен довести до желания убить его.

– «Аномальная жара задержится на всей территории...» – прошипело из динамика.

– Неинтересно, – прокряхтел Кирк и продолжил настраивать частоту.

Салон автомобиля продолжал заполняться клубами дыма – гарь исходила от моего спутника. И только когда запах палёного отчётливо врезался в нос, Кирк забегал руками по пальто в поисках источника.

– Нет, нет, где же...

Краями пальцев он выудил бычок сигареты и, высунув руку из окна, выбросил его. Затем расправил край пальто, чтоб оценить повреждения. На самом видном месте образовалась чёрное кольцо.

– Молодец, что сказать! Единственное своё пальто спалил!

– Марк, вот не начинай нудить! Слышал, что по радио сказали? Аномальная жара – так что пальто мне пока не понадобится.

Кирк скрючился на сиденье, чтобы снять с себя пальто, но размеры салона автомобиля мешали ему. Пока он освобождался, я настроил радио на ближайшую волну.

– «Максим Фёдорович, – прозвучал голос девушки-ведущей, – прошу для наших слушателей рассказать немного о вашей вере: чем вы отличаетесь от остальных и в частности от славянской церкви? Ведь вы без каких-либо предубеждений называете себя церковью Истинного Бога, и многие, в том числе я, не понимают различий. При этом количество ваших сторонников растёт с невероятной скоростью».

– «Да, конечно. Об этом достаточно часто просят рассказать, поэтому давно уже есть заготовленный ответ. – На другом конце рупора послышался смех. – Бог един. И мы ни в коем случае не оспариваем другие религии – они имеют место и сосуществуют с нашей. Для нас важна цель – мы хотим спасти и сохранить всё то, что Бог нам даровал. Для нас нет добра и зла, есть только земля, которая страдает от нашего присутствия. Мы так потерялись в стремлениях доказать, чья вера правильней, что забыли, кто нас кормит и растит. Вода, воздух, земля – всё засорено. Мир вокруг нас умирает, пока мы развиваемся...»

– Отключай уже эту хрень, – проболтал Кирк и бросил своё поверженное пальто на заднее сиденье. – Я, конечно, за защиту природы и всё такое, но не за эту чиканутую веру!

– Ты за защиту природы? Серьёзно? А что ж тогда бычок в окно выбросил?

– От меня одного мир не изменится. – Кирк снова приступил менять частоты.

Церковь Истинного Бога – помешательство моего времени. Впервые я с ними встретился в Ястребске, и уже тогда они мне не понравились. Надменная сволота. Думают, что они лучше окружающих, защищают матушку-природу, и за это им должны целовать ноги. Не дождутся! Пустословы – только и могут, как кричать на каждой улице, что грядёт уничтожение всего живого из-за нашего безразличия. На деле же они ничего полезного так и не совершили, чтобы хоть кому-то помочь.

Сбежав подальше от пропагандирующей радиоволны, Кирк притормозил на рок-волне. Самое то! Под звуки металла можно забыться в дороге и не обращать внимания на Кирка. Хоть немного спокойствия, которое мне просто было необходимо.

Засеянные поля сменялись лесополосами и обратно. Я уже привык к местной природе. В ней есть своё очарование и блаженство. Особенно берега Оки. Как очаровательно проводить время где-нибудь на отшибе реки, наблюдая за природой, за водой! Вид вечно поблёскивающей глади всегда меня успокаивал – наверное, поэтому в детстве я всегда любил Белое море, постоянно светящееся от северного солнца, даже в холодные дни. Как много времени мы проводили с братом на каменистых берегах! Одной из забав для нас было мериться угаданным расстоянием отливов и приливов. Это занимало огромное количество времени, в течение которого мы обсуждали все наши детские заботы. Прекрасные моменты – до сих пор не понимаю, куда всё ушло. От этого даже страшно возвращаться туда – вдруг и там всё изменилось?

Из-под руля загорелся красный сигнал – заканчивался бензин. Это не удивительно – после пожара мне просто некогда было заезжать на заправку. Хотя мне всё было некогда.

– Так можем никуда и не доехать, – прокомментировал Кирк сквозь орущую музыку. – Может, это и к лучшему. Нам разве плохо вместе? В Беломорске наши пути разойдутся. Навсегда. Так что не забывай об этом.

– Я, вообще-то, только и надеюсь на это. Если бы не ты, я бы туда сейчас и не ехал.

– Ну и не едь – создал проблему ни из-за чего!

Ближайшая автозаправка нам встретилась у поворота на Родищенск.

Припарковавшись у бензоколонки, я оставил Кирка в машине и направился к кассе. Кроме продавца, внутри никого больше не было. Я не спешил оплачивать бензин, а одиноко волочился от одной полки к другой. Брал в руки продукты и делал вид, что внимательно рассматривал их, но мне просто хотелось отстраниться от мира, и неважно, что творится вокруг и что у меня в руках: печенье, чипсы или газировка. Только бы побыть одному! Но это долго

не продолжалось – краем глаза я увидел, что Кирк выбрался из Ласточки и разминал ноги. Пора было двигаться дальше. Я попросил у кассира счёт на полный бак и приготовил банковскую карту для оплаты.

Отказано.

Вместе с продавцом повторяем операцию.

Отказано.

К чёрту! За заправленный бензин я расплатился оставшейся наличкой, и в кошельке образовалась пустота.

– Вот блин, и что мы будем делать? – прозвучал голос Кирка за моей спиной, отчего меня аж передёрнуло.

– Нам хватит, чтобы доехать до Беломорска.

– А обратно?

– Разберёмся.

Я вышел наружу и попытался войти в мобильное приложение банка, чтобы разобраться, в чём дело, но попасть в свой аккаунт мне не удалось. Программа утверждала, что карточку заблокировали. Меня это удивило – ведь дело с «Очагом» никак не влияло на мои счета, поэтому следующим моим действием был звонок Мише.

– У меня проблема.

– Уже? – прозвучал удивлённый голос моего адвоката. – Вроде только недавно просил тебя ни во что не вляпываться.

– Мой банковский счёт закрыли.

На другом конце наступила тишина, только иногда звучало дыхание Миши.

– Что пошло не так? Мне казалось, с «Очагом» всё утрясено.

– Это не «Очаг».

Тут уже дошло и до меня. После пожара я забыл о других своих проблемах.

– Чёрт! Они, что ли, не могли мне сделать поблажку?

– Приговор есть приговор. А ты совсем без денег остался? Давай сейчас пересечёмся, я привезу тебе денег. Думаю, ты ещё недалеко уехал, а мне как раз сейчас надо на Север.

– Всё в порядке, деньги есть, так что не переживай. Ладно, давай до скорого.

– Смотри, я всегда готов тебе помочь.

Я отключил звонок.

– И вот что ты сделал? – снова раздался голос Кирка. – Мы же на мели, выходит, а он хотел помочь!

– Я всё сделал правильно. Поверь, нам не нужна его помощь!

– Тогда смысл был ему звонить? Просто сколько раз мне тебе повторять: учись признавать свои проблемы, иначе вечно будет жопа!

– Единственная моя проблема – это ты. И я её признаю.

Продолжать его слушать я не хотел, поэтому направился обратно к машине. Пора было двигаться дальше.

Оказавшись в салоне, я со всей силы хлопнул дверью.

– Оу, полегче, братан! – с соседнего сиденья возмутился Кирк.

– Ты думаешь, я хотел твоего возвращения?! Ты всю жизнь мне доставляешь... – От произнесённой фразы меня перекосило. – ...доставлял одни проблемы. И вот опять!

Я рванул с заправки и только по странному звуку удара по машине понял, что забыл вынуть пистолет из бензоколонки. Через стекло заднего вида увидел, что оторванный шланг валяется на дороге. Чтобы меня никто не заподозрил, я посильней вдавил ногу в педаль газа и переключил коробку передач.

– А толку? По камере увидят номер машины, – прокомментировал Кирк. – Ты неуравновешенный психопат, знаешь же об этом? Тебе давно пора в психушку – хотя бы от этого твоя семья будет в безопасности.

– Ты не знаешь, как лучше для моей семьи.

– Они и моя семья.

Я всё сильнее вдавливал педаль газа. Мне хотелось врезать Кирку по роже, лишь бы он заткнулся. Вспоминая тот день, я понимаю, что просто вспылел, – я кипел от злости, бесился, что он был прав. И раньше я вёл себя так постоянно. Но тогда голова была отключена, и рука автоматически переключала скорости.

– Психопат, что ты творишь! – заорал Кирк. – Так мы не доедем до дома!

Мне сорвало башню. Я хотел мчаться в призрачную бесконечность, образующуюся за окном из растворяющихся объектов. Да, я пытался скрыться с места преступления, но, помимо этого, стремился сбежать подальше от всего, что связывало меня с прошлым.

– Я устал.

– Понимаю, но с жизнью прощаться-то не стоит, – затараторил Кирк.

– А тебе-то что с этого? Ты давно мёртв.

– Ты совсем чокнулся?! Забыл, что я плод твоего больного мозга?!

– Заткнись!

– Нет, ты меня выслушаешь.

– Заткнись! – Я не выдержал и закричал.

Позади меня окружение меняло тона из зелёного в сине-красное, а снаружи пробивался звук сирены. Полиция. С ними играть в догонялки я не собирался, поэтому потихоньку сбавлял скорость. Я повернулся к Кирку сказать, чтобы он вёл себя тихо, но его уже не было на соседнем сиденье, как и на пассажирском. На тот момент промелькнула мысль, что мне получилось его заткнуть, но как же я ошибался!

Я остановился на обочине и, не дождавшись служителя порядка, вышел из машины.

– Извините... – Диалог решил начать я – думал, чем скорее сознаюсь в своих грехах, тем быстрее искуплю всё. – Извините меня, пожалуйста, не знаю, что на меня нашло. Я совсем забылся в своих мыслях и прожал педаль газа.

– Вы ехали со скоростью более ста пятидесяти километров в час. – Полицейский говорил со мной спокойным тоном. – И проехали два светофора на красный. О чём вы думали?

– Извините, пожалуйста, обещаю: дальше я буду более внимательным. Мне срочно нужно на Север.

– Пройдите со мной. – Он указал на свою машину ДПС.

– Поймите, я спешу, мне сейчас некогда разбираться со всеми этими проблемами. Давайте решим вопрос на месте и разойдёмся.

Я достал из кармана кошелек, но как только он оказался в руке, вспомнил, что у меня нет денег.

– Вы мне что, взятку предлагаете?

– Это не совсем то, чем кажется.

– Прошу пройти со мной.

Он приближался, и меня это испугало. Я оттолкнул его и побежал к своей машине. Неудачное было решение – он сбил меня с ног у самой двери.

– Пьяный, что ли? – Голос наконец-то изменился: из спокойного в тяжёлый. – Совсем страх потерял!

Полицейский завёл мои руки за спину и скрепил их наручниками. Каким-то волшебным рывком он поднял меня с земли, а если точнее – мои ноги сами поднялись по его указке. Не успел я опомниться, как оказался на заднем сиденье полицейской машины.

– Мой брат, мой брат остался в машине! – заверещал я.

Он оглядел салон автомобиля.

– Что? Ты под наркотой? – Он схватил меня за челюсть и уставился в глаза. – Да вроде нет.

– В бардачке его прах, – сквозь сжатые губы промычал я.

Полицейский нависал надо мной, соображая, о чём я и что делать. В итоге он запер меня на заднем сиденье полицейской машины и пошёл проверять мою Ласточку.

– *Вот мы попали, братец!* – Рядом со мной материализовался Кирк. – *Будь я жив и рядом, то не влипли бы так.*

– Будь ты здесь – всё было бы только хуже.

Полицейский вернулся с капсулой и бросил её ко мне на заднее сиденье. У меня не было возможности взять её, так как руки были связаны наручниками за моей спиной. Когда автомобиль тронулся, урна скатилась вниз.

– *Эй! Мужик!* – завопил Кирк. – *Ты чуть меня не разбил!*

Полицейский никак на него не среагировал – ведь Кирилла для него не существовало.

День 2

Глава 4

Моё имя Марк Штерн. И это мой аудиодневник, которой звучит как признание анонимного алкоголика. Откуда я это знаю? Ходил когда-то с братом на подобное мероприятие. У всех одни и те же проблемы, в которых они не могут разобраться, пока не выговорятся. Вот и мне потребовалось излить свою душу, хотя говорить это кому-то конкретному я не готов. Поэтому аудиодневник. А почему аудио? Да потому, что я не способен длительно вести письменные записи. Сколько бы раз я по совету психолога ни пытался заниматься дневником, я всё равно его забрасывал. Не знаю, откуда у остальных берутся силы заниматься этой писаниной, лично меня вечно пронизала дрожь, когда я с ручкой в руке думаю: «А что писать? Вроде это важно, а вроде и нет». Невыносимое чувство безысходности над листком бумаги. Из-за этого я вечно откладывал запись своих мыслей на следующий день, а потом на следующий и на следующий. Сколько же так было заброшено записных книжек и ежедневников, которые велись не по назначению! В результате одной из попок мне подсказали идею – вести аудиодневник. Я же вечно пользуюсь голосовыми сообщениями – почему же тогда не записывать мой больной разум на диктофон? На самом деле бредовая идея, но мне это так сейчас необходимо.

И вот опять я не знаю, с чего лучше начать: нынешняя поездка для меня вся состоит из ненормальных эпизодов. Я пытаюсь анализировать всё, что случилось, но получается одна каша – не представляю, кто это будет разгребать. Хотя стоп! Это в первую очередь нужно мне, чтобы разобраться в себе. Да и кому я буду показывать этот бред?

Вся эта поездка затеяна только ради одного человека – ради моего мёртвого брата. Кирилл, или, как я его привык называть, Кирк, после своей смерти начал мне мерещиться на каждом шагу. Он встретил меня у «Очага», а точнее – у того, что от ресторана осталось. Я сперва подумал, что это глупый розыгрыш, но он действительно существовал, пусть даже только в моей голове. Не понимаю, за что мне такое наказание, ведь ещё при жизни я ненавидел его постоянное присутствие рядом, мне хватило общего детства с ним, а теперь он преследует меня везде и никогда не затыкается! И это невыносимо!

Хотя признаю: совместное детство с Кирком было замечательным. Мы росли в Беломорске и почти всё время проводили на берегу. Мечтали уплыть в далёкое плавание, обогнуть весь Северный Ледовитый океан. Детские фантазии... Сейчас так приятно вспоминать о них, хотя прежние времена уже давно ушли. Всё изменилось. Мы изменились.

Не знаю почему, но в моей голове засели эти воспоминания, словно напоминание: только из-за этого я и решил отвезти его прах в Беломорск – может, так я освобожу своё сознание от его присутствия. Я понимаю, что это всё бред сумасшедшего, но хочу верить, что подсознательно мне это поможет и я навсегда избавлюсь от братца, отправив его в путешествие по Северному Ледовитому океану.

Услышь меня отец – устроил бы очередную взбучку. Он всегда ругался, когда мы дрались или ссорились, даже от обычных острых шуточек или подножек отчитывал нас, говорил, что мы братья и должны держаться друг за друга, что семья превыше всего. Странно это было слышать от него – ведь он всегда пропадал на работе, и дома мы его толком не видели.

Никогда не понимал, почему мы должны исполнять мечты родителей, которые они в своё время не исполнили. Отец мечтал о брате, но у него его не было, поэтому он всегда жаловался нам на своё одиночество, и из-за этого мы для него стали какой-то отдушиной. И неужели так у всех, мы – нереализованные мечты своих родителей? То же самое можно сказать и о моей новой знакомой.

После неудавшейся попытки откупиться я оказался в рязанском отделении полиции. Мне ничего не говорили, я даже не понимал, какое правонарушение серьезнее: превышение скорости, дача взятки или нападение на служителя закона. Что я точно знал, так это то, что я в полной заднице.

Я не сопротивлялся аресту, но до самой камеры меня тащили и внутрь просто бросили, словно мешок картошки. Я был весь в пыли, но отряхиваться не видел смысла – неизвестно, что ждало меня дальше, да и сколько мне придётся ещё провести в камере. Всё вокруг угнетало – казалось, что я уже не найду выхода. Это Кирку было привычно влипать в подобные ситуации, но не мне, и ему всегда на помощь приходил я, а кто поможет мне, было загадкой.

Единственное, что радовало, – я был не один: со мной в камере находилась какая-то худощавая старуха. Она лежала на скамейке у стены лицом вниз, а её седые волосы свисали до пола. Сперва меня беспокоила мысль: «Жива ли она?», но страх развеялся, когда она подала признак жизни, что-то мыча и бормоча, и после каждого подобного сигнала в нос бил неприятный алкогольный перегар. Спокойно находиться рядом было невозможно, а скамейка в камере была одна, поэтому мне пришлось завалиться у основания клетки.

Мои мучения продолжались несколько часов, точнее, я даже не представлял, сколько именно, но время тянулось в камере слишком долго. Все мои вещи забрали при обыске, и время на телефоне я не мог посмотреть.

У стены раздался кашель, но с каждой минутой он становился грубее, и в один момент старуху вырвало на пол.

– Ох, как же плохо-то! – прокряхтела старуха.

Вонь от этого только усилилась.

– *Это кому ещё плохо?*

Рядом со мной уже стоял Кирк и закрывал одной рукой нос, а другой махал перед ним. До сих пор не понимаю, по какому принципу он появляется, но всегда не вовремя.

– *А она здесь не помрёт?*

– Ну ты, к несчастью, ни разу так и не помер от пьянок.

– Кто здесь? – раздался женский голос.

Я забыл, что не один, поэтому моё общение с Кирком вышло за пределы моего сознания. И так происходило часто.

– Вы здесь не одни, – ответил я.

Пьяное тело село на скамейку и выпрямилось. Голубые глаза уставились на меня. Это была никакая не старуха, а девушка с серебристыми волосами.

– *Смотрю, у кого-то была бурная ночька,* – игриво заговорил Кирк. – *Прямо навевает былые времена! Чувшь?* – Он наигранно принялся, как будто к приятному запаху. Как-то быстро он переобулся: только недавно он закрывал нос, а теперь при виде молодой особы сразу весь засветился.

– У вас всё в порядке? – спросил я. – Может, кого-то позвать?

– Никто мне не нужен. Особенно эти твари! – Её взгляд был направлен сквозь меня за решётку.

Её мутило. Это я прекрасно понимал, так как было знакомо это чувство – не раз напивался до схожего состояния. Она пыталась бороться с внутренними порывами, но организм одержал вверх – и очередные следы бывшего веселья вырвались наружу.

– *Кстати, выглядит она жутко.*

Кирк прав. Вся её грязная одежда полностью облегла тело, точнее – кости. Настолько она была худа, чем-то даже напоминала смерть, особенно из-за волос. Девушка точно была нездорова, причём не только из-за алкоголя.

– Зачем так напиваться?

– *Бухать, Марк. Бухать. Так принято говорить.*

– Дядя, я к тебе лезу? Нет! Так что отвали от меня!

– Вау, да она крута!

Отвечать, да и пытаться дальше вести диалог сразу же расхотелось, поэтому я отвернулся от своей сокамерницы.

– *Знаешь, а она мне нравится. Видно, что девочка с характером. Чем-то даже Машу в свои годы напоминает. Наверное, поэтому ты пытаешься весь быть таким миленьким и хорошим, а главное – заботливым. Но, братик, ты стар. Так что без шансов. Можешь свернуть своего внутреннего педофила.*

– Пошёл ты! – вырвалось из меня. – Ещё не хватало тебя слушать! Урод!

Я прислонил голову к решётке. Холодные прутья славно остужали меня.

– Эй! Начальник! Помогите! А? – Я даже не заметил, как к решётке подошла сокамерница. – Вы меня тут с психопатом посадили!

Я совсем разучился держать себя в руках. Моё внутреннее сознание в лице Кирка всячески портило мне жизнь. Я уже сам понимал, что помаленьку схожу с ума, и обвинять девушку в том, что она испугалась, не имею права.

– Не переживайте, моё сумасшествие вас не коснётся.

– Лучше б вы о себе переживали.

Дверь открылась, и к нам зашел полицейский, который отворил решётку.

– Вы свободны, – произнёс он. – Оба.

Опешил не только я, но и девушка.

– И никакого судебного разбирательства или типа того? – спросил я.

– Я дважды повторять не буду, – произнёс полицейский.

Намёк ясен, и мы шустренько покинули камеру. На выходе нам вернули наши вещи. На моём телефоне было несколько пропущенных от моего адвоката. Перезванивать ему я не собирался – ведь лишний раз услышать «Я же говорил», как-то не хотелось.

– Вас ждут снаружи, – сказал всё тот же полицейский, причём адресовано было нам обоим.

– Кто нас ждёт? – спросила девушка.

– Узнаете, – отрезал он.

Факт, что ждут нас обоих, пугал. Я ничего не знал о ней, поэтому такая связь между нами настораживала, но очевидные ответы ждали снаружи.

– *Знаешь, это было ожидаемо,* – прокомментировал Кирк, когда мы вышли за дверь.

На улице нас ждал Миша вместе с моей Ласточкой. Кирк был прав: я мог и догадаться. У нас с этой девчонкой вполне мог быть один адвокат, ведь я у него, как-никак, не единственный клиент – не на мои же деньги он так замечательно живёт.

– Лучше сразу объясни, – решил я его опередить, – как ты это сделал.

– Да ничего такого. Заплатил кому надо, точнее, услужил кому надо. Просто надо знать, где и за какие ниточки дергать. Это, по сути, и есть моя работа.

– Ты что здесь делаешь?! – встряла девушка.

Она разглядывала Мишу с ног до головы.

– Анна, меня прислал ваш...

– Я знаю кто. И мне его помощь не нужна. Мне ничья помощь не нужна.

Она развернулась и пошла в противоположную от нас сторону.

– Анна, – крикнул ей вслед Миша, – он всё равно вас найдёт. Из Рязани вы не уедете без его ведома.

Она всё же остановилась и сделала несколько шагов обратно.

– Чего он хочет?

– Вернуть вас домой. Он волнуется за вас. Любит вас. Поэтому, когда вы оказались здесь, он сразу же попросил вам помочь. Поймите же: он наблюдал за каждым вашим шагом после исчезновения. Поэтому мой вам совет: лучше вернуться.

– Зачем мне это? Он тиран. Рядом с ним у меня нет никакого будущего.

– Есть. Мы с Максимом знаем о вашей ситуации и хотим помочь.

Её это явно смутило – она стояла как вкопанная, обдумывая слова Миши. Я не представлял, кто она, и тем более не понимал, что происходит.

– Так вы на кого работаете? На моего деда или на Максима?

– Я работаю на семью.

А новость, что я соприкасаюсь с Церковью Истинного Бога, совсем не радовала. Я изо всех сил старался избегать любых контактов с ней. Церковь распространялась, как чума, и весь её бред беспокоил любого человека в здравом уме, но, видимо, нас не так много, хотя меня сложно отнести к ним из-за Кирка.

– Вы правда сможете помочь? Просто я знаю, чего хочет Максим, поэтому не понимаю, каким боком я здесь. Эта какая-то его хитрая политика, что ли. Я устала быть марионеткой в чужих руках.

– Думаю, он лучше сам введёт вас в курс дела. При встрече. А сейчас ваш дед ждёт вас дома. И я надеюсь... – Здесь Миша переключился на меня. – ...нас подбросят до Москвы. Я же правильно понимаю, что ты планируешь ехать через столицу?

– Знаешь, как-то не очень хотелось. Думал, от Рязани сразу на Север. Владимир, Ярославль и обогнуть Онегу с востока. Дорога там, знаешь ли, поспокойней, не то что в столице.

– *Поехали.* – От голоса Кирка меня снова передёрнуло; я никак не мог привыкнуть к нему и со стороны выглядел дёрганым невротиком. – *Давно не были в Москве. Оторвёмся, как в былые времена. Погнали.* – Он хлопнул меня по плечу, отчего я отклонился.

Мне очень сильно хотелось ответить своему брату, но я из-за всех сил сдерживался, чтобы снова не произвести впечатление нездорового человека.

– С ним? – Аня указала пальцем на меня. – Да он же ненормальный! Я никуда с ним не поеду.

– *Полностью согласен.*

– Если он будет за рулём, я даже в машину не сяду! Не-е-е, я сбежала, чтобы пожить хорошо, но именно пожить – ведь помирать я ещё не готова.

– *Знаешь, мне тебя везти тоже не в радость. Ещё заблуждёшь мой салон.*

Её глаза расширились. До меня не сразу дошло, что из меня вырвались слова Кирка.

– Извиняюсь, не хотел этого говорить.

– *Ещё как хотел!*

– Я никуда вот с этим... – Она указала на меня. – ...не поеду!

– Так, – вмешался Миша, – предлагаю компромисс. Я поведу машину.

Я хотел ему возразить, но он опередил меня.

– Марк, я вытащил тебя из клетки. Если бы я не приехал, то неизвестно, когда бы ты вышел, так что окажи услугу. Прошу.

Мне хотелось спорить, ведь я планировал всё закончить за день или за два, а заезд в Москву однозначно бы меня затормозил, но чувство долга перед Мишей и отсутствие денег всё-таки подталкивали к обратному. Вдобавок ко всему Кирк возле меня так и выпрашивал заехать в столицу – проветриться.

– Хорошо, ты за руль, – согласился я.

Ключи всё равно были у него, раз уж он доставил машину ко входу.

– Отлично, тогда вперёд! Все ваши вещи уже в машине. Я обо всём позаботился, так что не переживайте.

Аня завалилась на заднее сиденье, а я сел спереди, рядом с Мишей. Кирк же кое-как, кривляясь, впихнулся рядом с девушкой и приобнял её.

Мой адвокат хорошо знал дорогу – не успел я прийти в себя после обезьянника, как уже выезжал из Рязани по Новорязанскому шоссе. Мягкое сиденье моего автомобиля сразу же усыпило нашу спутницу, отчего мой братец рядом с ней кайфовал, прижимаясь, по-видимому, крепче и крепче и даже не смущаясь исходившего от неё запаха.

– Так кто она? – спросил я полушёпотом у Миши.

– Писцова.

– И кто это?

– В смысле – кто? Ты за новостями последние пару лет следишь? Взгляни на её волосы.

Я лишь помотал головой. Ответ мне действительно ничего не дал – лишь пустой звук в моих познаниях. Я правда не знал, кто она, да и её волосы для меня были скорее странным дефектом её существования или даже современной модой, за которой я не успевал следить.

– Она внучка Лаврентия Писцова, главы Церкви Истинного Бога. Цвет волос – это у них семейное, – пояснил Миша, иногда косясь на меня, чтобы построить гримасу в духе «как я мог такое не знать?».

– Мне как-то глубоко плевать на вашу секту. И мне не понять твоего помешательства на ней. И с чего ты вообще взял, что я должен знать какого-то Писца? Я вообще считаю всю эту ситуацию полным писцом!

– Писцова, а не писца! Его сейчас тиражируют на всех каналах. Он же новое слово в религии! Почитаемый человек!

– «Новое слово в религии» – звучит, как слоган какого-то бренда, хотя по количеству рекламы вокруг, видимо, так оно и есть. Порой не знаю, куда деться от вашей пропаганды!

– Полностью согласна, – пробурчал женский голос с заднего сиденья.

Аня зашевелилась и легла к нам спиной. Кирка уже с ней не было. Видимо, моему расудку ничего не нужно было добавлять в эту обстановку.

– Сколько у тебя осталось налички? – спросил Миша. – Сейчас и дома?

– Сейчас ничего, а дома... семью обеспечить хватит.

– Ничего? А как ты ехать собираешься? На какие деньги?

– В Москве уже что-нибудь придумаю. Заработаю.

– Давай денег, что ль, займу. Или попроси Машу скинуть деньги мне, а я тебе отдам.

– Нет! Маша не должна узнать, что случилось. У неё и без этого проблем хватает. А в долг я не беру – знаешь же, это дело принципа. Я не Кирк, как-никак.

– Вот что это? Я никак тебя понять не могу: что это за бессмысленное самопожертвование? У тебя же проблемы! И гордость эти проблемы не решит.

– Миша, нет!

Мы самопроизвольно перешли на повышенные тона, отчего Аня снова зашевелилась на заднем сиденье. Миша приложил палец к губам и отмахнулся. Но это не имело смысла – Писцова уже нормально уселась. Голову она опустила, отчего лица её не было видно.

– Анна, с вами всё в порядке? – спросил Миша.

Она отрицательно помотала головой, и в отражении зеркала я увидел её синеватый оттенок лица.

– Миш, Миш, Миш, тормози! – заорал я.

Не понимая, что происходит, он озирался то на меня, то на Аню, но всё же остановил машину на обочине. Писцова приоткрыла дверь и высунулась головой наружу. Её долго полоскало. Видимо, ночка и правда у неё была весёлой – где-то в глубине даже было завидно.

– Так за что ты загремела? – Я решил всё-таки узнать, что с ней случилось.

Она ничего не отвечала, только звуки рвоты доносились до нас.

– Два два восемь, первая часть, – ответил мне Миша.

– Ах вот откуда у вашей семьи подобные представления о вере!

В мой адрес с заднего сиденья был показан средний палец. Девушке не хватало манер, но на самом деле я был ей благодарен – она запомнила моё волнение по поводу салона, поэтому все следы прошедшего веселья уходили на улицу.

– Я никакого отношения не имею к вашей «семье». – Наконец-то она выпрямилась и обратилась ко мне. – Кто ты вообще такой, чтобы меня ставить в один ряд с этими... – Рукой она указала на Мишу, но замолчала. Судя по всему, подбирала нужное слово. – ...зомби-поклонниками. Вся эта церковь – один большой фарс. Мой дедуля просто хочет внимания, хочет всем показать, какой он весь из себя хороший, а какой он на самом деле, боится показать, иначе лишится всего.

– Анна, вы не правы! – парировал Миша. – Лаврентий Кузьмич – великий человек, он многим из нас помог обрести себя и встать на верную дорогу, помог обрести дом, а главное – семью.

– Нет, ты просто очередной слепой идиот, верящий во всю эту лабуду, что тебе ссут в уши.

– Поддерживаю, – вставил я своё слово. – Это такая чушь, что они говорят! И никого правее их как будто нет. Где тогда был ваш Бог раньше? Почему ваша религия появилась только сейчас?

Миша ничего не отвечал – видимо, мы его задели. Адвокат он хороший, но как только дела касаются его веры, при большинстве против него он сразу затыкается. Нехватка аргументов. Вот мой вердикт. Да, это странно для адвоката подобного уровня, но я надеюсь, в глубине себя он понимает, что живёт в сказке, просто отказывается из неё выходить.

– Предлагаю поговорить о чём-нибудь другом, – сказал Миша. – К примеру, о пожаре. Ты знал, что у следователей появилась новая зацепка по «Очагу»? Так что, возможно, мы быстрее разберёмся с делом.

– *Она, а это интересно!* – Кирк снова появился около нас, но у меня в глубине складывалось ощущение, что он никуда не уходил.

– Миша... – Меня начало слегка трясти. – Какая зацепка?

– Есть свидетели, опознавшие поджигателя. Какой-то местный алкаш, Лавров Евгений. Как я понял, видели, как он зашёл в ресторан с какой-то жидкостью, а вышел с пустой бутылкой. Думают, что там была зажигательная смесь. Тем более такой ресторан ему не по карману. Полиция сейчас его ищет. Ни дома, ни у родных пока не появлялся. Будут проверять все пивные и места скопления сомнительных личностей.

– *Чёрт, не верю, как такое может быть!*

– Слава богу! Давно уже пора поймать поджигателя.

– Оу, вы о пожарах в Ястребске? – уточнила у нас Аня. – Странная херня, читала в Интернете.

– Чем же странная? – Я уже догадывался об ответе.

– Этот пироман действует по какой-то логике, точнее – действовал. Так как первые три заведения связаны с мэром города. Судя по всему, он старался навредить его имуществу, больше он никому не хотел навредить, поэтому всё обходилось без жертв. В то время как в ресторане «Очаг» всё перевернулось: вроде бы метод тот же, но есть жертвы, а владелец никак не связан с мэром. Единственный возможный вариант – этот маньяк целился на ресторан, так как в нём обедали различные толстосумы, кормящиеся от мэра.

– Для справки, я владелец «Очага». Бывший владелец.

– Серьёзно? Тогда скажу от имени всех пострадавших: ты мудака.

– *Да она смотрит в корень!* – Кирка это смешило.

– Это почему же?

Меня и так заколебали все эти псевдомитинги перед мой рестораном – как будто я виноват, что люди сами затоптали друг друга! Они вместо того, чтобы сразу бежать, смотрели на огонь. Так что я не готов был выслушивать подобное от этой соплячки.

– Потому что ты, безответственная скотина, даже близко не подумал о безопасности! Что? Во время проверок всем на руку давал? Ответь! – Аня явно тоже завелась. – Подойди ты ответственной к безопасности – ресторан не вспыхнул бы так быстро и было бы меньше жертв, а то и вовсе не было.

– Да как ты смеешь... Всё было как положено – тебе любая проверка подтвердит.

– Ага, в итоге рабочий выход был один, а остальные по волшебной случайности закрыты. Да и кто шумоизоляцию делает из пенополистирола? Ты людям подписал смертный приговор ещё при строительстве ресторана! Что? Решил, как немцы, всех в газовую камеру запихать? Мне казалось, туда засовывали подобных тебе.

– Я не намерен выслушивать это от грязной...

– Марк! Анна! Прекратите оба! – Мы доконали Мишу, что редкость.

Когда он действительно злился, его голос напоминал рёв, и все окружающие мгновенно затыкались, что мы, собственно, и сделали. Всё равно я больше не собирался ни о чём говорить с этой малолеткой. Поэтому остальной путь мы трое провели в тишине. Кирк на время этого конфликта решил испариться. И слава богу! Моему Богу, а не этому подхалиму, в которого верит Миша.

Глава 5

Первым делом по прибытии в Москву мы повезли Аню к её деду. Он остановился в отеле «Метрополь». Неплохой вкус у старика, я вам скажу – гостиница не для простых граждан. Миша пошёл сопровождать Аню и отчитываться перед свои «пастырем» в его апартаментах. Мы же с Кирком решили его подождать на первом этаже в ресторане «Шаляпин» за барной стойкой. В былые времена мы могли ночами в нём кутить, но в сложившейся ситуации, кроме стакана воды, я ничего не мог заказать, хотя признаю: заведение навевало вёсёлые воспоминания.

– *Помнишь, мы здесь двум казахам рожи начистили?*

– Начнём с того, что они были буряты и начистили рожи нам.

– *Мы помним историю по-разному.* – У Кирка уже материализовалась бутылка в руке, и большими глотками он пил из неё.

– Ты стал внаглую подкатывать к их жёнам. Неудивительно, почему они взъелись на нас.

– *Уроды!*

– Знаешь, так и про нас говорят. Ты разве Аню не слышал?

– *Она обращалась к тебе так-то.*

Как я и говорил, спорить с ним было бесполезно.

Чтобы не обращать внимания на брата, я не спеша рассматривал «Шаляпина». Заведение действительно прекрасное – до такого уровня мы так и не смогли поднять «Очаг». Больше всего завораживал потолок с рельефной лепниной и изысканными люстрами, хотя изысканным был весь интерьер, выполненный под девятнадцатый век. Персонал вежлив и отзывчив, да и клиенты куда приятней и интеллигентней, чем у нас.

– Марк Штерн, верно? – раздалось за спиной.

Я обернулся. Рядом с нами стоял полноватый мужчина с обильной растительностью на лице.

– Да, а вы...?

– Меня зовут Игорь Ватин. – Он протянул мне руку поздороваться. – Миша попросил составить тебе компанию, пока он проводит время со своим «Богом». – На последнем слове он показал пальцами кавычки.

– Ха-ха, чёрт, это забавно, что все вокруг Миши смеются над его верой!

– А разве я не прав? До сих пор помню, как в детстве эти сектанты обходили дома в Родищенке и предлагали брошюры по своей вере. – Игорь уселся на место Кирка. – Истинный Бог, как будто остальные не истинные, или кем там считаются все известные лица наших мейн-стримных религий!

– Вы из Родищенска? – слегка отдышавшись от смеха, уточнил я.

– Да, поэтому Миша и попросил спуститься к тебе. Как-никак, мы земляки. – Он развёл руками, как будто хотел обнять меня, но ничего подобного не последовало. – И давай на «ты», если уж... земляки. Тем более достало наверху торчать – сегодня там скучно и поговорить не с кем. Там сейчас мыльная опера происходит в стиле воссоединения семьи, как в индийском... или даже в японском фильме. Короче, классическое клише.

– А что там? – Я указал пальцем наверх.

Судя по всему, он меня не услышал и затараторил дальше о своём.

– Слушай, так как ты друг Миши – значит, и мой друг! Не знаю, как тебя, но меня он не раз из дерьма вытаскивал. Хороший он адвокат. Пока мы его будем ждать – а это, поверь, будет долго, – предлагаю нажраться и поохотать над религией нашего высокодуховного друга. Я, если что, угощаю. Единственное только – предлагаю переместиться в заведение побюджетней, просто «Шаляпин» – не мой уровень.

Я хотел отказаться от столь щедрого предложения, но увидел, как на слове «нажраться» у Кирка заблестели глаза. Бедолага прямо изнемогал, поэтому я согласился, тем более лишний раз посмеяться над святостью Миши я был только рад.

По дороге я узнал, что мой новый спутник – начинающий писатель, несколько лет назад перебрался из Родищенска в Москву. Пока что пишет различные околонучные статейки для таких же околонучных журналов и практикует написание рассказов, ищет свой стиль и идею для романа.

Переместились мы действительно в бюджетное место – «КиллФиш» на Арбате, одно из излюбленных мест студентов. Исполнение также под студентов – дёшево и сердито. Самое приятное в подобном заведении – это темнота, позволявшая скрыться от лишних глаз. Подобную концепцию мы с Кирком тоже рассматривали, но она не подходила лично нам, поэтому мы сохранили в «Очаге» всю ту семейную атмосферу, что создал отец.

После недолгого обдумывания мы с Игорем решили на скорость осушить по длинношоту, по десять стопок на каждого. Кирк от этого заводился и орал – даже обидно, что, кроме меня, его никто в этот момент не видел и не слышал. Признаюсь: его радость пить порой восхищала. В состязании, к разочарованию Кирка, выиграл Игорь, но вся эта затея требовалась для разгона, чтоб поскорей опьянеть, что, собственно, вышло на ура. Для дальнейшего времяпровождения мы ограничились только несколькими заказами двойного виски.

– Игорёш, ты мне, кстати, так и не ответил: что там наверху, в «Метрополе»?

– А-а-а, я уже и забыл. Такое ощущение, что это было так давно, хотя где-то пару часов назад, если подумать. Так вот. – Он завис где-то на минуту. – Мы там проводим покерные турниры. Чисто для себя. Завтра ещё один будет. Надеюсь, стол соберём, а то все в разъездах, а адекватных игроков нет. – Игорь повертел пальцем у виска. – Покер хорошо мозг стимулирует, а то последнее время даже над простой задачкой туплю. Вот. – Он снова сделал паузу. – А ты-то что забыл в столице?

– Да я как-то не планировал – случайно получилось здесь оказаться. Я ехал в Беломорск, развеять прах брата.

– Прах? – Игорь поперхнулся. – Ох ё! Соболезную. Как это произошло?

– Покончил с собой. Не смог свыкнуться с потерей «Очага».

– Да ты что? Серьёзно? Да мне насрать на эту дыру!

– Так вы... Чёрт! Печальная история. Заведение хорошее, был однажды. Оно хорошее, потому что в нём чувствовалась душа... семья. Как-никак, семейное дело. Ведь так?

– Да, мы вложились в ресторан по полной. Наш отец очень много сил потратил на него, а мы уже пожинали его плоды и поддерживали, как могли, на плаву. Что тоже весьма сложно сейчас.

– Завидую тебе, Марк! Завидую твоим отношениям с братом, что смогли вместе сообща подобное организовать. Мои же отношения с сестрой никакие. Всю жизнь её репутация мешала моим личным достижениям. Вечно приходится доказывать, что мы не одно и то же. Печально, что такой шаблон, как «яблоко от яблони», очень основательно прижился среди народа, и ничего с этим не поделаешь.

– Поверь, я тебя прекрасно понимаю. У самого схожая ситуация. Брат напивался, дебоширил, но всё равно он всегда был бедным и несчастным. Как же меня это бесило! И бесит всё, что связано с ним. Даже после смерти он умудряется доставать меня. Паршивая гнида!

– Оу! – Лицо Кирка скривилось.

– Оу, не надо так про мёртвых! Тоже, конечно, клише, но что поделать, мы – отражение всех поколений до нас. Паршивое дело – семья. Меня лично больше всего ранит то, что моя мать её выгораживает передо мной, демонстрирует и хочет, чтобы мы сплотились, но нет, ни за что! Моя жизнь больше никого в ней не подразумевает, но и смерти я ей всё-таки не желаю – не важно, что мог со злости наговорить порой.

– Ох, поверь, для меня этот мудака не умер. Так что можем ещё посоревноваться, кому больше не везёт с роднёй.

– В смысле – не умер? Чё-то не догоняю.

– *Я тоже. Удиви меня, братец!*

– Ох, я уже слишком пьян, если говорю об этом. Чёрт с ним! Я всё равно продолжаю его видеть – он всегда где-то рядом и достаёт меня. Толкает на поступки, которые для меня нонсенс. К примеру, сейчас сидит ужирается, даже сильнее нас. Мудака!

– *На себя посмотри! Свинья!*

– То есть как Тайлер Дерден?

– О, да! Не хватало ещё организовать нам бойцовский клуб!

– Без обид, мужик, но это проблема в голове, а не семейные дела.

– Я это понимаю, но ведь всё исходит из нашей совместной жизни с Кирком.

– Кирк? Что это ещё за имя?

– Сокращение от Кирилла. Братец мозгами никогда не отличался и всегда действовал по самому очевидному варианту. Просто действовал. Словно кирка по камню, как будто большего и не требовалось. Отсюда и Кирк. Марк и Кирк. Звучало ведь. Вот и прижилось, тем более он был не против.

Игорь не спеша попивал вискарь из стакана и смотрел куда-то в пустоту, как будто перед ним не было никакого барного стеллажа.

– Я в своё время ходил к психологу, – нарушил молчание Игорь. – Первое время даже помогло решить некоторые проблемы в голове. Может, и тебе поможет.

– Раньше пробовал, но это бесполезная трата времени и денег. После каждого приёма я лишь сильнее загонялся по многим вопросам.

– Понимаю, но никто, кроме тебя, твои проблемы не решит. Особенно в голове. Ни психолог, ни друзья, ни родители – только ты. Разберись в себе. По-любому всё неспроста – должно быть объяснение. Начни анализировать всё в своей жизни. Заведи дневник.

– Поверь, пробовал, и не раз. В итоге все они оказывались в помойке через месяц. Вечно забываю, да и лень вести их.

– Как ты в основном общаешься на расстоянии?

– По телефону. Звоню или записываю аудиосообщения.

– Аудиосообщения? Ужас, какой же ты старый! Аудиосообщения! Сейчас принято говорить «голосовые сообщения», но не «аудиосообщения». Ужас! Послушай, а ты попробуй на диктофон в телефоне записывать все свои мысли. Тебе так будет проще разобраться в себе – ведь каждый раз как голова чем-то будет забита, ты сможешь это сразу же записать и проанализировать.

– По-моему, это тупая идея.

– Как знаешь. Я всего лишь предложил выход. Тебе решать, как делать. Возможно, ты и без моего совета на верном пути.

Я тогда действительно задумался над идеей Игоря – она и правда мне казалась интересной и логичной, но совсем бессмысленной. Как я ошибался – сейчас это моя отдушина и единственный способ разобраться в себе!

Мы с Игорем протрепались ещё два часа, которые пролетели для нас незаметно. Говорили в основном о наших семьях, о природе в Ястребской области и о всякой бессмыслице. В итоге к нам присоединился Миша. Так как он был за рулём, пить отказался, да и мы уже были в зюзу, поэтому решили разъехаться по домам. Мы с Игорем обменялись телефонами, после чего он быстро испарился в толпе, движущейся к метро. А мы с Мишей поехали в его дом в Серебряном Бору.

Глава 6

В полутьме ресторана в клубах дыма от кальяна Маша опустошала очередной бокал вина. Время для неё текло весьма блаженно; она наслаждалась той тишиной, что ей дарило одиночество – без мужа, без Насти. Но мысль, что пора уходить, забирать ребенка у няни, её расстраивала.

Самым сложным для начала оказалось встать, ведь количество выпитого алкоголя и ватное состояние от кальяна приковывали к дивану, и при каждой попытке подняться тело возвращалось к прежнему состоянию. Маше потребовался не один десяток минут, чтобы вырваться из райского оцепенения.

На улице уже темнело, и фонари не справлялись с рассеиванием тьмы вокруг. Единственным, что освещало путь, был торговый центр на пути домой, и, чтобы сократить дорогу, Маша двинулась сквозь него.

ТРЦ соответствовал своему названию: «Праздник». Внутри действительно был праздник – всё вокруг светилось и мигало, а ларьки, кафе и рестораны так и завлекали к себе. ТРЦ только недавно открылся, и много площадей ещё было закрыто или даже ещё не куплено, но все приходили просто провести в нём время: кто-то – полюбоваться огоньками вокруг, кто-то – пройтись по магазинам, а кто-то – просто остыть от уличной духоты.

С другой стороны здания, у центрального входа, собрались митингующие. Они добились закрытия ТРЦ, ибо с момента открытия многие владельцы малого бизнеса в городе понесли потери, хотя при этом открылись новые вакансии для молодёжи. Народ в городе разделился на два фронта: кто-то поддерживал открытие ТРЦ, а кто-то – нет.

Маша кое-как вырвалась из «оккупации». Толпа на входе плотно стояла и выкрикивала свои лозунги, чтобы каждый проходящий чётко услышал их посыл. На этом приключение Маши не закончилось, ведь дальше ей необходимо было пройти несколько улиц, включая место недавней трагедии – ресторан «Очаг».

Под уцелевшей вывеской «Очаг» сложили мемориал из венков, свечек и фотографий погибших в пожаре. Мемориал вносил некое чувство дискомфорта, даже чем-то пугал; он отлично обрисовывал весь действительный ужас, произошедший внутри, – ведь ни один репортаж не мог передать ощущение той безысходности. Вся сажа вокруг была истоптана, а воздух до сих пор передавал запах гари, как и обугленные руины ресторана. Но удивляло то, что вывеска каким-то чудом оказалась цела.

В первые дни трагедии к ресторану приходили как семьи погибших, так и обычные зеваки, – все хотели посмотреть на то, что осталось от ресторана, ну а журналисты лишний раз пытались запечатлеть трагедию в хрониках. С каждым днём народ здесь рассасывался, а к концу дня его и вовсе не оставалось, но горящие свечки давали понять, что здесь регулярно поддерживали хоть какую-то жизнь. И когда Маша подошла к мемориалу, возле ресторана была лишь одна женщина в чёрном, зажигающая свечу над фотографией рыжего мальчишки.

Маша тихонько подошла к ней со спины.

– Соболезную вам, – это всё, что вырвалось из уст Маши. Она сама не понимала, зачем подошла, – скорее всего, нежелание идти домой и сидеть с ребёнком было для неё большим наказанием.

Женщина повернулась к ней. Увидев молодое лицо, Маша отшатнулась. Она не думала увидеть столь юную особу, хотя её скулы были настолько истощены, что напоминали смерть.

– Спасибо. У вас тоже кто-то погиб?

– Нет... Да... – запнулась Маша, – Да. Брат мужа.

– Я тоже вам соболезную. – Машу от этих слов в её адрес скрутило. – Не понимаю: за что Бог обрушивает все эти страдания на нас? Неужели мало мы других бед и несчастий пережили?

– Никто не даст нам правильного ответа. – Маша уже жалела, что подошла, – на подобный разговор она не соглашалась, и ей поскорее хотелось сменить разговор. – Это ваш брат на фотографии?

– Сын. Приёмный. – Маша снова пожалела о своём вопросе – она понимала, что смерть ребёнка переживается сильнее, чем смерть брата. – Мы усыновили двух близнецов ещё младенцами.

– Другой ребёнок жив?

– Жив, но от этого не легче – их как будто что-то связывало. Сашеньке сейчас очень сложно, и я не знаю, что с этим делать, как помочь ему пережить всё это.

Девушка наклонилась к мемориалу и поставила фотографию и свечку поглубже среди остальных, таких же потерянных в огне жертв.

– Со временем образуется. – Ничего другого Маша не придумала, чтобы сказать, но лишь после поняла, насколько глупо звучат эти слова. – Он примет потерю своего брата и будет двигаться дальше. Всё зависит от него самого, примет он потерю или нет. Просто ему правильно нужно всё объяснить. Я долгое время не могла принять смерть бабушки. Она с самого рождения была со мною рядом, а потом – бац, и её нет. Я искала её, спрашивала у родителей, где она. Просто тогда не могла понять, что такое смерть. Никто не мог мне это объяснить, пока сама с возрастом не пришла к осознанию.

Девушка смотрела на фотографию ребёнка, а Маша – на неё саму. Тишину нарушали лишь шмыганье носом и завывание ветра.

– Да, вы правы. Он, конечно, понимает, что произошло, уже сейчас, но мне так страшно заговорить с ним об этом! Страшно, что он переживает это один, поэтому не знаю, что сказать ему в поддержку.

– Если вы считаете себя действительно матерью ребёнка, то обязательно найдёте правильные слова.

Но подбадривающая речь не помогла – девушка только сильнее ушла в себя, и Маша не могла не заметить этого.

– Как вас зовут? – спросила Маша и под села поближе к девушке.

– Лера.

– Маша. – Она указала на себя. – Очень приятно. Предлагаю завтра встретиться. Возьмём наших детей и где-нибудь, в какой-нибудь кафешке посидим, пообщаемся. Судя по фотографии, наши дети одного возраста, и, быть может, их общение чем-то сможет помочь, сгладить острые углы.

Маша по инерции произнесла это предложение и уже в глубине себя пожалела. Она понимала, что делает всё правильно, что так делают хорошие люди (а именно таким человеком она всегда и хотела казаться), но снова встречаться с этой девушкой она не была готова и поэтому ожидала отрицательного ответа.

Лера повернулась к ней:

– Хорошо.

Глава 7

Дорога меня разморила, и я уснул. Проснулся уже на Хорошевском мосту, откуда открывался отличный вид на Живописный мост – маленький небесный клубок ниток. Мы въезжали в Серебряный Бор, который я очень любил – уютный уголок природы в пределах МКАДа. Я всегда обожал тишину и спокойствие, что царили там.

Дачка, если уместно её так назвать, выглядела внушительно: два этажа с широким открытым балконом и небольшой пирс к Москве-реке. Хочу сказать: неплохо всё-таки зарабатывает востребованный адвокат в столице!

– Ну и хибара! Живи я здесь – сам бы ходил весь день с довольным свиблом и верил в различную ерунду.

Не успели мы выйти из машины, как из соседнего дома донеслись крики: «Помогите!», после чего послышались звонкий шлепок и женские всхлипы. Миша косо посмотрел на участок и продолжил свой прежний путь.

– А вмешаться не стоит? – спросил я.

– Не наше дело. Да и Виктора Палыча лучше лишний раз не беспокоить. Он слушает только Лаврентия Кузьмича – как-никак, вера для него важнее всего остального.

– За один день я услышал о вашей братии чуть ли не больше, чем за всю жизнь, так что ты прав: я не хочу в это лезть.

– Зря ты так: многие люди через веру идут из тьмы к свету.

– О боже, началось!

– Миш, давай не будем об этом! Мне вера не требуется – мне и так живётся хреново.

Внутри дом оказался не беднее, чем снаружи. В нём присутствовал запах достатка, или ощущение того, что мне такого не заработать. Миша умел жить со вкусом и никогда этого не стеснялся, но отдам ему должное: он этого не делал напоказ.

– Марк, тебе налить? – Миша отвлек меня от любования, и я кивнул в знак одобрения. – Денёк бешеный, да и от вашей пьянки самому захотелось расслабиться. Кстати, как тебе Игорь? Надеюсь, у него с писательством всё сложится. Хороший мальый.

Я выпил из поданного мне стакана и уже собрался отвечать Мише, но увидел, как Кирк не спеша прогуливался по комнате и рассматривал вещи вокруг. От выпитого за весь вечер алкоголя меня это беспокоило – я из-за всех сил пытался выбросить брата из головы, но вышло с точностью до наоборот. Я – это он, а он – это я.

– У меня не денёк, а вся неделя. А по поводу Игоря – да, и правда хороший мальый.

Массандровский херес урожая 1775 года. Бутылка красовалась на полке в специальном футляре с открытым письмом у основания: «Эту редкую бутылку украинского вина я дарю Вам, Михаил Андреевич, за помощь с оправданием моего сына».

– Кстати, думаю, страховку за пожар должны выплатить – сейчас можно уверенней говорить, что был поджог. У следствия всё меньше сомнений насчёт тебя, а если ещё поймают Лаврова, то победа точно наша.

– Это, конечно, хорошие новости, но что по поводу моих счетов? Мне нужны деньги.

– С этим сложнее. Тут ты действительно натворил делов. Я подумаю, как всё исправить, постараюсь добиться смягчения наказания в связи с нынешними обстоятельствами, но на это точно нужно время. Просто всё так быстро завертелось, что принять правильное решение тупо было некогда. Всё, что сейчас могу тебе предложить, – так это свои деньги. Просто так или в долг – как тебе будет удобней.

Пистолет Макарова с выполненной ручной художественной гравировкой по всей металлической части. Рядом лежала небольшая пластинка, выполненная по схожему узору, что и оружие. Надпись на ней гласила: «От Горбунова В. П.».

– Миш, спасибо огромное, но извини, я никогда в жизни не брал ни одного долга или кредита, и особенно никогда не принимал чьих-либо подачек.

– Марк, не надо так критично реагировать, я просто хочу помочь. Сам подумай, какие у тебя варианты: если ты не возьмёшь мои деньги, то остаётся только вернуться в Ястребск, но ты и на это не согласен – для тебя важнее твой бессмысленный крестовый поход.

– Попрошу Машу перевести через тебя деньги.

– Боюсь, её счета тоже заблокировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.